

Мамаша Дорсет

ИЗ ПУШКИ ПО ВОРОБЬЯМ

стихотворные пародии и пасквилы

Мамаша Дорсет

**Из пушки по воробьям.
Стихотворные пародии и пасквили**

«Издательские решения»

Мамаша Дорсет

Из пушки по воробьям. Стихотворные пародии и пасквили /
Мамаша Дорсет — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-966511-9

Долго думала, а стоит ли издавать подобную книгу. Но не так давно друг написал мне, что мои пародии читаются на театральных капустниках и вообще продлевают жизнь. И я решила, а почему бы и нет, тем более, что стихов, вошедших в сборник, в интернете нет, их давным-давно удалили за нетолерантность к авторам исходников. Уж больно нежные они, эти авторы, туды их в качель!

ISBN 978-5-44-966511-9

© Мамаша Дорсет
© Издательские решения

Содержание

Из пушки по воробьям	6
Гусар поэзы	7
Конец мягкого знака	10
Пещерные угрозы	11
Весенние бубенцы	12
Внучка Шапокляк	14
Персептроны любви	15
У глупости особые законы	16
Офелия из палаты намбер сикс	18
Мышиная новелла	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Из пушки по воробьям Стихотворные пародии и пасквили

Мамаша Дорсет

© Мамаша Дорсет, 2019

ISBN 978-5-4496-6511-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Из пушки по воробьям

Авторов исходников я специально не искала. Как говаривал дед Щукарь в известном романе, – они сами припрыгали. Одни хотели научить меня писать стихи, других раздражала моя способность быстро реагировать и давать отпор особо борзым, третьи собирали команду и всем скопом наваливались на меня, в надежде хамством победить способность и умение защищаться. Отвечать бандитам руганью на ругань я считаю ниже своего достоинства, но пристыдить их пародией или пасквилом – в самый раз, это оружие более действенно, недаром они постоянно жалуются на меня. Все эти пародии были удалены модераторами сайта Стихи.ру именно по многочисленным жалобам «трудящихся» над рифмами, дабы оставить потомкам свой след в литературе. Я считаю пародийный жанр исключительно разминкой для мозгов, так как тема задана, ритм тоже, остаётся только написать стишок «по образу и подобию», что для меня не составляет особого труда. Говорят, мои подражания злые, но я не собираюсь быть снисходительной к тем, кто коверкает русскую речь или с помощью скандалов желает прославиться на литературных сайтах. Последнее особенно относится к моему «любимому» автору, Марине Пономарёвой, которая в любой полемике не гнушается мата и других подзаборных идеоматических выражений, чем снискала всеобщую неприязнь и удаление с приличных ресурсов. Моё внимание ей удалось привлечь бешеным напором и безудержной фантазией с элементами автобиографичности.

Мамаша Дорсет – мой творческий псевдоним, под которым я писала юмористические рассказы в далёком прошлом. Меня не раз спрашивали, почему именно «мамаша Дорсет», на что я отвечала, что раз был папаша Дорсет, то должна была быть и мамаша, не вождём же краснокожих мне было себя назвать.

Гусар поэзы

Гусар скучал, хоть он не ведал грусти,
Но втуне понимал, как скуден ум.
Он выпил шнапсу, думая, – отпустит,
Но лишь устроил в мыслях лишний шум.

Ему казалось, – он не стар и может
Ещё девиц наружностью смущать
(Так иногда беззубый мясо гложет,
Не в силах челюсть жадную раззять).

К нему девицы были равнодушны,
И, чтобы данный прекратить бардак,
Решил гусар, речам друзей послушный,
Начать писать, рифмуя. Наш чудак

Взял в руки перьев целую пригоршню,
На них, крестясь, со смыслом поплевал,
И, став подобен паровому поршню,
В чернильницу их резво запихал.

Шли рифмы, шли! Но были все убоги,
Рубака-парень был успешно туп.
Ему казалось – все удачны слоги,
Которые он выпустил из губ,

Но рифмовались лишь одни команды
И подначальных возгласы солдат,
«Глябля», «блятля», уф, что поделать, надо
Тренировать свой грешный агрегат,

Ну, что тут скажешь, модно стало ныне
Бабёшек стихоплётством завлекать, —
Гусару горше самоёй полыни
Усы крутить в безвестности. Как знать,

Быть может, и на это клюнет тётка...
Уже клюёт? Вот это коленкор!
И пусть она с рожденья идиотка,
Но зад её на «рифмы» дюжа спор!

Гусар залёг, как пугало, в засаде
(Но перьев из руки не выпускал),
И думал, как подкрасться к тётке сзади, —
Ведь он на память эту позу знал.

И пусть имел жану он для блезиру,
Мечты ему давно сверлили плешь,
Мол, быть тебе, красавцу, хоть и сиру,
И в рифмовальцах, – «посоля, поешь»,

Но ведь известность тож горбом даётся,
И, сколько жисть в сраженьях не итожь,
От этой славы пепел остаётся,
А от поэзы, пусть и чёрствый, – корж.

Гусар свой ус простёр над чахлой грудью,
Поправил упоённо эполет
И прошептал: «Ужо мне эти судьи!
На графомана в мире судей нет!»

И так лежал в засаде годы кряду,
Жана харчи носила в борозду
И подсыпала в яства эти яду, —
Умри, предавший женину ...зду.

Гусар потел, хирел, но был упорен,
Хоть не давались слава и бабьё...
Уж больно был он от рожденья вздорен,
И так любил остаться при своём!

Над ним уже смеялись и в казарме,
И на конюшне ржали скакуны,
Но он, своей подмахивая карме,
На критиков пыхтел: «Вот серуны,

Поди, в бою сойтиться б не посмели, —
Я быстро отоварю пяткой в лоб, —
Пождите все, на будущей неделе
Такую выдам басню, сдохли чтоб

От зависти, проклятые отродья!»
А дальше текст попросит перевод...
Так, следуя безумию и моде,
Гусаров много на земле живёт.

Наш случай дури лишь в одном отличен, —
Он затянулся, словно имярек
Совсем не видит, как он неприличен,
Писчебумажный этот человек.

Что нужно мужу, чтобы встретить старость?
Седого благородства и ума,
Таланта быть мужчиною, хоть малость.
У нашего гусара их – нема.

С утра до ночи наш бедняк в засаде,
Он ловит каждый вздох и каждый бздёх,
Чтобы бежать на шум и, славы ради,
Быть ловким, как кобель при ловле блох.

Конец мягкого знака

Геомант
Член РСП

Когда я перестану тебя ждать,
Любить, надеяться и верить,
То я закрою плотно окна, двери
И просто лягу умирать...

Ляг и умри, несчастный! Мягкий знак
Рыдает на задворках мироздания.
Надеяться он тщится, но никак
Поэт с ним не приходит на свиданье.

И будь он членом, хоть каких, систем,
И будь он трижды даже медалистом,
Но мягкий знак здесь нужен был затем,
Чтоб в неучи не вылететь со свистом.

Пещерные угрозы

Вам Это Понравится
О насущном

И в Париже и в Банкоке
я ужасно одинокий.
Но как вспомню Бирюлёво
на душе светло и клёво)))
*

Подступают базы НАТО
ближе всё к родным пенатам.
Пустобрёхи томагавки
на кого посмели гавкать?
Иль забыли, что в чулане
Булава лежит у Вани?

Я Бангкок от слова «банка»
Написал, на то и Ванька.
Бирулоид настоящий,
Я смотрю в заветный ящик.
Что мне рифы и атоллы,
Мне в родном навозе клёво.
А загар не снится даже,
Больше грязи, сердцу гаже.
Бадам НАТО я не рад,
Лучше НАТЫ голый зад.
Наши падают ракеты,
Словно груши, в поле где-то.
Стану палкой воевать,
Вышел зайчик погулять.
Раз сказал плешивый, – «в рай!»,
Значит, сопли подбирай
И готовься стать котлетой
На одной шестой планеты.

Весенние бубенцы

Марина Пономарёва

Новый май

*

Нынче нежность, совершенно иной маркировки.
Нежность – она ощутима – так песок ощущает стопы.
Я выкину старые платья. Я купила себе кроссовки.
Я купила лишь для тебя – новый опыт.
Новой чувственности....

Весенние бубенцы

Отзвенят. Заполнят кухню гармонией.

Ты на линии? Улыбки в песочных часах —

Вместо песка. По утрам после кофе, долго возишься с молнией.

*

Знак качества держу на видном месте,
На кухне, где настенный календарь.
Рука сама автопилотом крестит
Мой лоб необразованный, как встарь.
Но пентаграмма этого не любит,
Рука отсохнет, ладили попы,
А я, топорща в ожиданье груди,
Опять к фетишу правила стопы.
Во мне, к кому не знамо, нежность зрела,
Я, пятками предчувствуя беду,
Кого не знамо, так всего хотела,
Ведь для него сто лет себя блюду!
Есть бубенцы у каждого в наличье,
Но опыта не купишь за деньгу.
А я от страсти верещу по-птичьи
И перед «этим» волосы стригу.
Лишь только загремят ключи дверные,
Я в непонятках прыгаю к дверям...
Пообещай мне горы золотые,
А я тебе, пришелец, даром дам.
Эксперимент души моей песочной,
Валгалла чувства, тайное сверло,
Лиши меня натуры непорочной,
Разбей меж нами времени стекло!
Но проза, в жизнь вторгаясь, как подсказка,
Мол, износились боты и пальто,
Молниеносно достаёт из сказки,
Мечту о чуде превратив в ничто.
И, молнию на джинсах затворяя,
Из койки снова вылезло мурло...

А на дворе опять проделки мая,
И, как обычно, с чудом не свезло.

Внучка Шапокляк

Марина Пономарёва
Вы не узнаете...

...В женский ридикюль
Сложу все звёзды, помощь и траву,
И девять вечеров в лиловом цвете...
Но нет на вас похожих в целом свете!
Пишу стихи – всё недостойно! Рву!
*

Чем хуже мне, тем выпреннее стих.
Я, как тровант, расту, как бородавка.
Передо мною даже ветер стих,
Собаки тоже перестали гавкать.
Я лучших качеств зеркало, душа
Моя, как мыло, выскользнет из тела
И полетит куда-то там, двоша,
Сама не зная, что она хотела.
Какая серость подо мной внизу,
Сияю в небе, как звезда героя.
Я миссию прекрасную несу
И свой умище от толпы не скрою.
Живу легко, вернее, налегке
И влѣгкую пишу и сочиняю.
Я вся – порыв, в космическом броске
Лечу, бегу, плыву, скачу, хромаю...
Ах, как мне Вас, читатель поразить
«На том конце замедленного жеста»,
Как спеленать, как фразами скрутить,
Как вылепить сюжет их словотеста!
Я щебечу, как курский соловей,
Я скрежешу, как петелька дверная,
Я с каждым звуком и добрей, и злей,
Я грешная, но, видится, святая.
Несу судьбу, как за плечами куль,
Моя любовь не каждому по силам.
Достался мне от бабки ридикюль,
Она всегда под Шапокляк косила.

Персептроны любви

Марина Пономарёва

Елоховский собор растёт из неба.
В той точке, где разорванный брезент.
Ты проникаешь правилами Хебба
Сквозь общий сон и памяти фермент.

Послушай, мама! Во дворах Басманной
Всё та же сырость. Слякоть. Непокой.
Я вновь влюбилась... Как? Тебе не странно?
...Мелькнет улыбка в свечке восковой.
*

Прекрасны персептроны Розенблатта,
Не может быть хреновым персептрон.
А у меня вообще ума палата, —
Ферменты мысли всем несут урон.

Послушай, критик, ты не креативен, —
Всё те же сказки врёшь про здравый смысл?
Ведь ты, по сути, слаб и дефективен,
У тому же, головою старой лыс.

Растут из неба грузди и поганки,
Ещё сосули всякие растут,
Илья Пророк давно ездец на танке,
И даже Моисей сменил статут.

Так что ж вы все куражитесь и ржёте,
Брезенты ваши – это не батут.
Нейтрино постоянно при работе,
Пронижут нафиг и башку снесут.

И свечки – это вам не персептроны,
Зажжёшь одну, пошепчешь, – пирожок.
Кому-то, может, писаны законы,
По мне, так мир – постылый драмкружок.

Влюблюсь, пожалуй, будет чем заняться.
Забуду я про синхрофазотрон,
Ускорюсь так, что поглупею, братцы!
И выйду из вселенной этой вон.

У глупости особые законы

Валя Кальм

Вдыхаю хвойность розмарина
в старючем глиняном горшке.
«Я не люблю тебя, Марина»
засела мысль в моей бошке.
Хоть застрелись или повесься
иль бесприданницей ко дну,
твои стихи придонной взвесью
сманили душу ни одну

*

иные топятся и ныне,
пугая шуку и треску.

*

Дрожа в космическом компоте,
убей уныние и хмарь.

В одном записано блокноте:

«имеешь право, хоть и тварь*»

*«Тварь я дрожащая или право имею» (Ф. Достоевский)

Дрожа в комическом экстазе,
Я прочитала сей компот.
Какой процентнице, заразе,
Покоя Муза не даёт?
Имеет тварь, конечно, право,
Не только пить, не только есть,
Но и налево, и направо
Блохастую раскинуть шерсть.
В её башке сомнений нету,
Какой ногой чесать живот,
Она сживёт того со свету,
Кто ей полаять не даёт.
У твари нет других понятий,
Как только миску охранять,
И тварей этих просто рати,
А пародистов только рать.
Увы-увы, дрожу и плачу,
И к совершенству не стремлюсь.
Зачем пародии фигачу,
Пойду и с хохота напыюсь.
Вы, Достоевский, просто фуфель,
Старорежимный идиот.
Стишок у твари чистый трюфель,
Шедевр, конфетка, стопятьсот!
Вдыхаю Музины миазмы,

Её сегодня просто прёт.
Дошла старуха до маразма,
На ширпотреб она клюёт.
Как быть, не знаю, вот загвоздка,
Сама от запахов тащусь.
Не помогает даже водка
С названьем стародавним «Русь».

Офелия из палаты номер сикс

Марина Пономарёва
Семейная Офелия

Когда я тебя найду,
Посажу гиацинт на твоей могиле!
Ты – Офелия в клейком иле,
Хоть не тонула в пруду....

*

Закричи, зарыдай, завой —
Распознаю, прижмусь к осине.

*

Дикий шёпот застыл в углах,
Пахнут койки мочой и потом.
Одиночество – здесь не страх.
Помер кто? Открывай вор-р-ота!

*

Круглощёкая! Выше нос!
Я – иду. Я ищу. Я у цели.

В доме скорби полно царей,
В доме скорби полно придворных,
Так же, много там упырей
И притворных, и непритворных.
Там врачи так и ждут, чтоб им
Током выбить у всех признание.
Но на том, мы, цари, стоим,
Что своё бережём сознание.
Мы кусаем, грызём зажим,
Мы орём и вопим по-царски,
Мы пинаем ногой вражин
Со всей силою пролетарской.
Тут недавно один ГамлЕт
Табурет отвинтил от пола
И давай им крушить паркет...
Санитары сочли крамолой,
И Гамлета скрутили так, —
У страдальца полезли слюни,
Врач (на эти дела мастак) —
Запер бедного прынца втуне.
И Офелия сразу вдрызг
Напилась галлюциногенов,
Подняла натуральный визг,
Стала биться башкою в стену.
Тут завыла её родня,
Почитай, вся палата сразу, —

Без Шекспира у нас ни дня, —
Понесли её мыть, заразу.
Провоняла весь коридор,
От волнения кусала пальцы
И молола про прынца вздор,
Мол, сожрали неандертальцы...
А потом наступил обед,
Прынца выпустили на волю.
Золотой-то посуды нет,
Растащила всё челядь, что ли,
Нам, царям, не везёт давно,
Вилоч нет, а ножей – в помине,
Чтоб не ели своё говно,
Нам кладут еду в алюминий.
Во дворе здесь роскошный парк:
Лопухи, белена от сплина,
И душистый растёт табак,
И листвой шевелит осина...
Всё в ажуре на тыщу лет.
И уколы – совсем не больно.
Снова что-то кричит Гамлет,
И Офелия подконтрольна.
Заходите к нам, если что,
Вы же все там немножко психи,
Добровольный порыв учтём
И по-царски мы будем тихи.
Если ж рыцарь какой с мечом
Или с думой своею тяжкой,
Не расстанется нипочём
Со смирительною рубашкой.

Мышиная новелла

Марина Пономарёва
Вселенная

Это вам ли не знать про бесформенность неба и мира?
Можжевельником пахнут сердца журавлей и ракет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.